

одна – различны голоса; дух един – различны звуки; у каждого народа свой язык, но материя языка – всеобща.

Повсюду Бог и повсюду благодать Божия; повсюду демоны и демонские проклятья, повсюду призывы к Суду Божию; повсюду смерть и сознание смерти, и повсюду свидетельство этого. Всякая душа по праву своему возглашает то, о чем мы не смеем и пикнуть. Стало быть, всякая душа заслуженно является и виновницей и свидетельницей, – и настолько же виновница заблуждения, насколько свидетельница истины, и в Судный день предстанет перед чертогами Божиими, не имея, что сказать.

Ты проповедовала Бога, но не искала Его, отвращалась от демонов и почитала их, взывала к Суду Божию и не верила в него, представляла себе муки адовы и не остерегалась их, разумела имя христианское и христианское имя преследовала.

О КРЕЩЕНИИ. ФРАГМЕНТ

Публикуется по: К в и н т Септимий Флорент Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994. С. 93–94.

<...> Но как же сильно стремится испорченность расшатать или совсем устранить веру, если нападает на нее с тех самых основ, на которых она зиждется! К тому же ничто не смущает души людей больше, чем явная простота Божьих дел, сопоставленная с величием обещаемого результата. Вот так и здесь. Из-за того что человек, погруженный в воду с такой простотой, без пышности, без каких-либо особых приготовлений и, вдобавок, без расходов, получает крещение при произнесении немногих слов и выходит из воды немногим чище или вообще не чище, тем невероятнее кажется наследование вечности. Пусть я буду лжецом, если идольские мистерии и празднества, напротив, не создают себе веры и уважения приношениями, приготовлениями и расходами. О, жалкое неверие, которое отказывает Богу в Его главных свойствах – простоте и силе! Что же? Разве не удивительно, что омовением разрешена смерть? Да ведь тем более следует верить там, где именно потому и не верится, что это удивительно! Ибо каковы должны быть дела Божьи, если не сверх всякого удивления? Мы и сами удивляемся, – но потому, что верим. Впрочем, неверие тоже удивляется, но не верит, – удивляется простому как незначительному, а величественному как невозможному. Но пусть будет так, как ты думаешь. По поводу того и другого уже были высказаны Божественные речения: Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрость его (ср. 1 Кор. 1, 27), и претрудное у людей легко у Бога (ср. Матф. 19, 26). Ведь если Бог и мудр, и могуществен, в чем даже пренебрегающие Им Ему не отказывают, то Он поступил весьма достойно, избрав предметом Своих дел противоположное мудрости и могуществу, – глупость и немощь. Ибо всякая способность ведет свое начало от того, чем она вызывается. <...>

ОРИГЕН (185–254)

Ориген родился в семье христианина и с юных лет познал гонения на новую веру – его отец был казнен за свои религиозные убеждения. Но это не отвратило молодого Оригена от христианства. Более того, он стремится упрочиться в вере и получить серьезное философское образование. Так он оказывается в Александрии в философской школе Аммония Сакка, в которой учился и будущий создатель неоплатонизма – Плотин.

В отличие от Плотина, не принимавшего новую религию, Ориген сохраняет приверженность христианству и в 217 г. возглавляет в Александрии христианскую школу. Однако за своеобразное толкование христианского вероучения в 231 г. он был смещен с поста наставника этой школы, лишен сана пресвитера и даже изгнан из Александрии. Ориген поселяется в Палестине, в Кесарии, где вновь открывает христианскую школу. Во время очередных гонений на христиан он был заключен в тюрьму и умер от пыток.

Оригену принадлежит огромное количество сочинений – их перечень насчитывает до двух тысяч названий.

В своем понимании проблемы соотношения философии и христианства Ориген прямо противоположен Тертуллиану. Ориген считал, что христианство является логическим завершением всей античной философии и изучение философии необходимо, чтобы полностью понять все христианские истины. Поэтому в трудах Оригена, в его трактатах христианского вероучения явно прослеживается влияние платоновского и неоплатонического учений.